

КЛЮЧ К ЗЕРКАЛАМ ЭДЕМ ТЕНЕЙ

НАТАЛЬЯ ОСКО

Наталья Оско

Ключ к зеркалам. Эдем теней

«Автор»

2026

Оско Н.

Ключ к зеркалам. Эдем теней / Н. Оско — «Автор», 2026

Они прошли сквозь зеркала, чтобы исчезнуть для всех, кого любили. Теперь Влад и Бустина — хранители границы между мирами, и их новый дом таит больше секретов, чем они могли представить. По ночам из леса приходят тени. С каждым разом их все больше, а сил остается все меньше. Но в стенах старого дома скрыто то, что может изменить правила игры. У них есть время, чтобы найти ответы. Но хватит ли его, чтобы поставить точку?

© Оско Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Огонь в темноте	5
ГЛАВА 2. Утро нового мира	8
ГЛАВА 3. Наследие прошлых хозяев	10
ГЛАВА 4. Кровь и память	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ключ к зеркалам. Эдем теней

ГЛАВА 1. Огонь в темноте

Закат догорает за холмами, когда мы возвращаемся к старинному разрушенному костелу — единственному знакомому месту в этом мире.

И вот теперь, в сгустившейся тьме, я стою с охапкой полевых цветов в дрожащих руках и смотрю на ряд возвышающихся надгробий и один свежий холмик.

Влад нежно обнимает меня за плечи. Его ладони такие теплые, живые и совсем не похожие на прежние, обжигающие холодом. Но невольная дрожь все равно проходит по моим плечам.

— Бустина, ты как? — тихо спрашивает он.

— Устала, напугана и не могу поверить, что мы похоронили двух людей, которые были на нашем месте. Которые сделали то же, что и мы.

Бросаю взгляд на могилу и надгробие с вырезанным на нем именем Мария Петровна Залесская и датой рождения 15 апреля 1941. Два тела в могиле и одно упоминание. И так на каждом камне. Имя хранительницы, а страж... Точно, он идет как дополнение к ней и носит из поколения в поколение одно имя — Влад Козловский.

— Они прожили здесь долгую жизнь, — произносит Влад. — Судя по дате рождения Марии, они провели здесь восемьдесят два года. Это хороший срок. Для таких, как мы.

— Для таких, как мы, — эхом повторяю за ним.

Восемьдесят лет. Целая жизнь в этом мире, отрезанном от всего, что я знаю. Без брата Олега, без мамы, без подруги Светки, без любимчика Барсика. Без работы, без телефона, без интернета, без привычного городского шума.

Сглатываю подступивший комочек.

— Думаешь о них? — спрашивает Влад, чутко улавливая мое внутреннее состояние.

— О всех сразу, — признаюсь. — О маме, о брате О том, что они нас не помнят. Что для них мы исчезли. Растворились. Как та золотая пыль на балу.

— Я знаю, — он разворачивает меня к себе и заглядывает в глаза. В сумерках его зрачки кажутся огромными, а голубизна радужек — почти черной. — Мне тоже больно. Мой род я чувствую их. И того мальчика, который придет после и будет носить мое имя. В каждом следующем из потомков моего рода будет копиться эта дрянь, и потом он заменит меня здесь. Но... Бустина, у нас есть время и шанс все исправить.

Киваю и утыкаюсь носом в его плечо. От Влада пахнет едва уловимым запахом пота, землей и хвоей. Раньше, в реальном мире, когда его тело было охвачено скверной и холодом, сковывающим ее, я не ощущала аромата его тела, а теперь... После ритуала в этом междумирье он стал более живым и настоящим, чем раньше.

Ритуал.

Закрываю глаза и прокручиваю в памяти каждое мгновение. Вот мы с Владом стоим в разрушенном храме, таком похожем на тот костел, где все началось, но одновременно совсем другом. Вот я снимаю с шеи камею — настоящую, не подделку, ту самую, ради которой разгадывала бабушкины тайны и лазала по темным залам. Влад стягивает с пальца перстень с геммой. И мы одновременно вкладываем артефакты в расколотый алтарный камень, и тот срастается прямо на глазах, вспыхивая ослепительным светом.

А потом — удар, пронзивший нас обоих, связавший чем-то неразрывным. Мы стали одним целым. В прямом смысле.

— Нам пора идти, — голос Влада возвращает меня в реальность. — Здесь темнеет быстро. Ночевать под открытым небом на кладбище — сомнительное удовольствие.

Я поднимаю голову и оглядываюсь. Солнце окончательно село, и мир погрузился в глубокие сумерки. Силуэты надгробий кажутся угрожающими, а в шорохе травы чудятся шаги.

— Но куда? Мы так и не успели исследовать это место. И есть ли здесь подходящее жильё? — спрашиваю растерянно.

— Должно быть. Уверен, что Мария и страж провели последние восемьдесят лет не в стенах разрушенного костела, а где-то еще. Уверен, что дом поблизости, — Влад тоже всматривается в темноту.

Мужчина замолкает, и я вижу, как меняется выражение его лица. Он смотрит куда-то поверх моего плеча, и в глазах зажигается удивление.

— Бусинка, обернись.

Я поворачиваюсь и замираю.

Там, на склоне соседнего холма, за полосой темнеющего леса, горит еле заметный огонек. Маленький, теплый, желтый и совсем не похожий на холодный свет только что загоревшихся звезд. Он мерцает и подмигивает, словно приглашая.

— Это... — шепчу я, боясь поверить.

— Возможно, дом. Пока не проверим, не узнаем. Идем? — заканчивает Влад за меня.

— Но кто зажег огонь? — во рту пересыхает от внезапного волнения. — Если Мария и Влад умерли сегодня... Если мы их похоронили...

Тезка покойного стража смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то странное — не страх, скорее понимание. И благоговение.

— Они ждали нас, — тихо говорит он. — Так заведено. Мы просто не заметили горящий свет днем. А теперь... Вот он, наш ориентир, — он указывает на огонек: теплый, приглашающий, манящий.

После всего произошедшего за сегодня — похорон, прощания с прошлым, осознания новой неизвестной реальности — этот свет кажется настоящим чудом.

— Идем, — решительно говорю я, беря Влада за руку. — Если это наш дом, нам нечего бояться.

— А если там призраки прежних хозяев? — усмехается он уголками губ.

— Тогда познакомимся, — фыркаю в ответ. — Все-таки мы теперь соседи по могилкам.

Влад нежно улыбается, а у меня сладко замирает сердце. И возникает желание ощутить его поцелуй на своих губах.

— Вместе так вместе.

Мы оставляем за спиной кладбище с его молчаливыми камнями и свежим холмиком. Пробираемся через колючий кустарник, которым заросла тропинка к костелу. Ветки цепляются за подол бального платья. Я так устала от корсета и длинных юбок, но понимаю, что снять их — равно самоубийству, так как не только руки пострадают от колючих лап, но и ноги. Выходим на проселочную дорогу, но, следуя ориентиру, заходим в высокие травы. Где-то вдалеке ухает сова, и от этого звука по коже бегут мурашки. Но огонек впереди горит ровно и уверенно, и я не отпускаю ладонь Влада.

А дальше — лес. Он встречает нас прохладой и запахом прелой листвы. Тропа петляет между редкими деревьями и, к радости, огонек видно всегда — он словно ведет нас, указывает путь. И чем ближе мы подходим, тем яснее проступают очертания строения.

Дом стоит на вершине холма, окруженный невысоким штакетником. Двухэтажный, с покатой крышей и светящимися окнами. В одном из них просматривается силуэт керосиновой лампы, такие я видела лишь в музеях да в бабушкиных рассказах о детстве.

Влад открывает калитку.

Странно. Петли не скрипят, словно их только что смазали. Мы проходим по дорожке, выложенной плоским камнем, поднимаемся на крыльцо.

Дверь не заперта.

Я толкаю ее — и мы входим.

Внутри пахнет деревом, сушеными травами и еще чем-то неуловимо домашним, уютным. Прихожая, из которой ведут две двери и лестница на второй этаж. На вешалке — старый плащ и выдавшая виды шляпа. В углу — прислоненная трость.

Создается полное ощущение, что хозяева просто вышли на минутку и сейчас вернуться.

— Они оставили все как есть, — тихо говорю я, проводя пальцем по пыльным перилам.
— Для нас.

Влад подходит сзади, кладет руки мне на плечи.

— Мы дома, Буся. Теперь это наш дом, — он обнимает меня и ведет к двери, сквозь щели которой пробивается мягкий свет.

— Мне немного страшно заходить туда, но надо осмотреться, — говорю я, поворачиваясь к Владу. — Найти, где спать, что есть... Я так проголодалась, что слона готова съесть, — в подтверждение моим словам желудок издает протяжный стон.

— Бедная моя девочка, — он целует меня в висок, распахивает дверь и спрашивает:

— Ты это чувствуешь?

Входим в комнату и нас обволакивает уютная атмосфера: теплый мягкий свет керосиновой лампы, запах ее горения, смешанный с ароматом домашней выпечки.

Подбегаю к столу, накрытому белоснежной скатертью с шитьем, на котором нас дожидается тарелка накрытая салфеткой.

— Как это мило, — срываю покров, скрывающий горку румяных пирожков. Хватаю самый большой и протягиваю его смеющемуся Владу. — Как главе семьи. Мое дыхание сбивается, когда вместо пирожка, мужчина сгребает в охапку меня.

Его губы накрывают мои и дарят невыразимое наслаждение от прикосновений. Я чувствую, что наконец-то оказалась дома.

И пока этого достаточно.

ГЛАВА 2. Утро нового мира

Сквозь сон я чувствую тепло.

Оно разливается где-то глубоко внутри, поднимается из живота, растекается по телу медленно, как утренний свет по стенам. Я еще не открыла глаза, но уже ощущаю — рядом он. Его дыхание касается моей шеи, рука лежит на талии, пальцы едва заметно поглаживают кожу под тонкой тканью ночной рубашки.

— Моя сладкая девочка, — шепот, от которого по позвоночнику бегут мурашки.

Я улыбаюсь, не открывая глаз. Губы Влада касаются моего плеча, поднимаются выше, к шее, к мочке уха. Я выгибаюсь, подставляясь под поцелуи, и чувствую, как его рука скользит от талии вверх, накрывает грудь.

— Доброе утро, — выдыхаю я, наконец открывая глаза.

Влад смотрит на меня сверху вниз, и в этом взгляде — вся нежность мира, смешанная с чем-то первобытным, голодным. Его светлые волосы взлохмачены, глаза еще сонные, но уже горячие.

— Самое доброе, — отвечает он и накрывает мой рот поцелуем.

Я тянусь к нему, запускаю пальцы в его волосы, притягиваю ближе. Его тело такое горячее, живое, настоящее. Совсем не то, что было там, в реальном мире, где он обжигал холодом. Теперь он плавит меня изнутри.

Его рука стягивает с меня рубашку, и я не сопротивляюсь. Наоборот — помогаю, избавляясь от ненужной ткани. Он проводит ладонью по моему животу, по бедру, заставляя выдыхать его имя.

— Какая же ты красивая, — шепчет он, целуя ключицу, грудь, спускаясь ниже.

Я закрываю глаза и отдаюсь ощущениям. Его губы и руки — везде, и я таю, растворяюсь, теряю себя в этом утреннем безумии.

Когда мы сливаемся воедино, мир сжимается до размеров этой комнаты, до его глаз напротив, до его дыхания, смешанного с моим. Мы двигаемся в одном ритме: медленно и глубоко. Ведь у нас впереди целая вечность, и спешить некуда.

— Влад... — хочу произнести слова любви, но что-то меня останавливает. Уж слишком все быстро. Он мой муж и в постели прекрасен, но все не может быть так идеально. Не у меня. Пришедшие мысли закрывают мой рот и вырывают лишь стон удовольствия.

— Я люблю тебя, — шепчет он, ускоряясь, и я ловлю его губы своими, чтобы проглотить этот вздох, сделать его частью себя.

А потом — вспышка, дрожь, и мы падаем куда-то вниз, оба, вместе, не размыкая объятий.

Мы лежим, переплетенные, и я слушаю, как бьется его сердце. Ровно, сильно, успокаивающе.

— Почему ты мне не ответила? — он водит пальцами по моей спине и ждет, наблюдая за реакцией.

— Знаешь, я думала, что это конец всему. Когда все закружилось в такт музыке и зеркала начали взрываться... И это место. Странное и пустынное. Мы здесь одни. Впереди целая вечность, и... Я твоя, но... Прошу, не торопи меня, — смотрю в голубые глаза и вижу, как прежний страстный огонь угасает.

— А я тогда знал, что это только начало. Начало нас. Настоящих, но... Тебе нужно время. Я понимаю, — он ослабляет объятия.

Я поправляю прозрачную шелковую рубашку и сажусь, подобрав под себя колени. Только сейчас, при солнечном свете, залившим всю комнату, наконец-то осматриваю ее. И замираю.

— Влад...

— Что?

— Посмотри.

Комната изменилась.

Вчера здесь были только старые вещи Марии и ее стража — пыльные, чужие, музейные. Сегодня...

На тумбочке рядом с кроватью стоит моя косметичка. Та самая, которую я бросила в ванной перед уходом на бал. Рядом — зарядка от телефона, хотя телефона здесь нет и быть не может. На спинке стула моя домашняя одежда: леггинсы, футболка, толстовка, и даже тапочки стоят на полу.

Я вскакиваю с кровати и подбегаю к шкафу. Распахиваю его.

Там висит моя одежда. Джинсы, свитера, куртка. Даже то самое изумрудное платье, в котором я была на балу, — теперь аккуратно убранное в чехол. А в другой секции — вещи Влада.

— Как... — шепчу я, оборачиваясь к мужчине.

Он тоже встает, натягивает джинсы, подходит ко мне. На его лице — изумление, смешанное с пониманием.

— Дом подстраивается под нас, — тихо говорит он. — Впускает нашу жизнь. Наверное, так и должно быть.

Я бросаюсь к комоду, выдвигаю ящики. Мои вещи. Мои футболки, носки, даже то белье, которое я купила перед самой свадьбой с бывшим и так ни разу не надела. Все здесь.

— Невероятно, — выдыхаю я и вдруг слышу знакомый звук.

Мяу.

Я замираю.

Мяу?

Поворачиваюсь медленно, боясь поверить.

На кровати, на сбитой простыне, сидит полосатый пушистик с желтыми глазами и смотрит на меня с таким выражением, будто я — самое большое разочарование в его жизни.

— Бася? — мой голос срывается на крик.

Кот лениво моргает, словно говорит: «Ну наконец-то, догадалась».

— БАСЯ!

Я лечу к кровати, падаю на колени, сгребая его в охапку, прижимаю к себе. Он ворчит, пытается вырваться, но я не отпускаю. Слезы радости текут по щекам. Вместо того чтобы вытереть их, я смеюсь и чмокаю любимого питомца в недовольную мося.

— Мой любимчик! Как ты здесь? Как ты...

Кот фыркает, но понимает, что от него не отстанут, поэтому начинает мурлыкать. Громко, на всю комнату.

Влад подходит, садится рядом, протягивает руку, чтобы погладить. Василий косится на него подозрительно, но, вспомнив, видимо, что этот человек как-то умудрился его приручить еще в прошлой жизни, позволяет себя коснуться.

— Здравствуй, саблезубый когтедран, — улыбается Влад. — Рад тебя видеть.

Я смотрю на них — на своего мужчину и своего кота, на нашу одежду в шкафу, на солнечный свет, заливающий комнату, и чувствую, как внутри разливается что-то огромное, теплое, счастливое.

— Мы правда дома, — шепчу я. — Наш дом.

Влад обнимает меня вместе с котом.

— Похоже на то, — говорит он. — И теперь нам предстоит его исследовать. Вместе.

Я утыкаюсь носом в теплую шерстку Василия и чувствую, что готова ко всему. Потому что рядом с ними — я справлюсь.

ГЛАВА 3. Наследие прошлых хозяев

Первые дни в новом доме пролетели как один миг.

Мы налаживали быт с той тщательной основательностью, с какой, наверное, первые поселенцы осваивали дикие земли. Влад колол дрова и носил воду из колодца — тяжелые деревянные ведра, обвязанные проржавевшими железными обручами. Я училась растапливать печь, подолгу вороша головешки, пока наконец не появилось устойчивое пламя. Василий крутился под ногами, требуя еду, и я с умилением скармливала ему остатки вчерашних пирожков, которые до сих пор сохранили тепло, словно их только что вынули из духовки.

Дом открывался нам постепенно.

На второй день мы нашли погреб. Тяжелая дубовая крышка с кованой ручкой вела в прохладный полумрак, где рядами стояли банки с соленьями, квашеной капустой, мочеными яблоками. Аккуратным почерком на каждой выведено: «огурцы 1999», «томаты 2005», «варенье вишневое — лакомство Влада».

Я провожу пальцами по пыльным стеклянным бокам тары и ощущаю подступивший ком в горле.

Они готовили это для себя, для своей долгой жизни. А оставили нам.

— Здесь лет на десять хватит, — усмехается Влад, спускаясь следом с керосиновой лампой. — Если, конечно, не кормить постоянно этого обжору, — он кивает на Василия, который увязался за нами и теперь с интересом обнюхивает углы.

На третий день обнаружился сарай. Он стоял чуть поодаль от дома, скрытый разросшимся кустарником.

Нам пришлось изрядно постараться, чтобы освободить вход от зарослей.

Я ойкаю, когда крапива обжигает руки.

— Буся, не нужно, я сам, — Влад целует мои обожженные ладони и доделывает работу в одиночку. Несколько ударов топором, снопы сорванной травы и нам удастся освободить проход.

Влад распахивает разошедшиеся ворота, и мы замираем.

Внутри пахнет старым деревом, прелой соломой и еще чем-то неуловимым — то ли приключениями, то ли свободой.

Лодка. Старая, но крепкая, перевернутая вверх дном и установленная на деревянные козлы. Рядом — весла, пара удочек, жестяная коробка с крючками и грузилами, даже пара болотных сапог, еще вполне целых, в углу.

— Ты только посмотри. Живем! Будет рыба и прогулки на лодке, — выдыхает Влад, проводя рукой по гладкому дереву.

— А ты умеешь? — спрашиваю тихо.

Он оборачивается, и в его глазах загорается огонек.

— А мы попробуем. Мы же не пещерные люди и жили в век интернета и видосов в соцсетях. Поверхностные знания есть, а умение придет.

Мы проводим в сарае почти целый день, разбирая находки. Кроме лодки и рыболовных снастей, там оказались старые грабли, лопаты, еще один топор с идеально наточенным лезвием, пара пил и даже нехитрый столярный инструмент. Влад радуется находке как ребенок.

— Теперь я смогу починить крыльцо, — бормочет он, перебирая стамески. — И перила на веранде шатаются. Да и мало ли еще что...

Я смотрю на него и чувствую, как внутри разливается тепло. Мы строим дом. Настоящий. Свой.

Кто бы мог подумать, что Влад, который казался мне в реальном мире холодным аристократом голубых кровей, захочет заниматься хозяйством и устройством быта.

С улыбкой и теплыми мыслями о мужчине, который рядом, я изучаю помещение сарая, разгребая дальние углы. И вдруг...

Под грудой мешковины, за ржавым ведром и рассыпавшейся вязанкой дров обнаруживаю длинный сверток. Тяну за край ткани, и на свет показывается дерево — темное, отполированное руками до гладкости.

— Влад, — подзываю я. — Посмотри, что я нашла.

Он подходит, и мы вместе разворачиваем находку.

Лук. Самодельный, но сделанный с удивительным мастерством. Гибкие плечи, тетива из крученой жилы, ложе для стрел вырезано с ювелирной точностью. Рядом — колчан со стрелами. Наконечники — кованые, злые, с зазубринами.

— Для охоты, — произносит Влад, ощупывая острие, которое ранит его палец. — Острые.

Я опускаю взгляд на лезвия и холодею.

На одном из них, у самого основания, что-то светлое, почти стертое. Я провожу пальцем и понимаю: это не грязь. Засохшая кровь.

— Влад...

Он уже смотрит на другой наконечник. Потом на третий. На всех без исключения кровь. Не ржавчина, не грязь — именно кровь. Густая, вьедшаяся в металл, кое-где отслаивающаяся чешуйками.

— Это не охота, — тихо произносит он. — Точнее, не та охота, о которой мы думаем.

В углу, прикрытое все той же мешковиной, лежит еще кое-что. Мечи — два коротких, один длинный. Ножи — охотничьи, метательные, один с гардой, как у кинжала. На лезвиях — та же голубая, засохшая кровь.

— Голубая, — шепчу я, разглядывая странный оттенок. — Чья кровь бывает голубой?

Влад молчит и сжимает мою руку.

В тот же вечер мы нашли дневник. Он лежал на чердаке, под стопкой выцветших фотографий. Кожаный переплет, пожелтевшие страницы, заполненные аккуратным женским почерком. На первой странице знакомое имя: «Мария Петровна Залеская. Год первый».

После скудного ужина — остатками пирожков и баночкой лечо из хозяйских запасов — мы устраиваемся на кровати, прижавшись друг к другу. Василий тут же забирается к нам и ложится поперек ног. Я открываю дневник на том месте, где лежала закладка-косичка, сплетенная из высушенной травы.

«Тени пришли на сороковой день. Влад почувствовал их первым. Он проснулся среди ночи и сказал: "Близко". Я не понимала, о чем он, но через час они уже были у дома. Тени не похожи ни на одну живую тварь. Это сгустки тьмы, более плотные, чем ночь. У них есть глаза — красные, горящие ненавистью. И зубы. Длинные, как иглы, и тоже светящиеся красным. Мы отбивались тем, что было. Мой страж схватил лук — он всегда любил стрелять, еще в прошлой жизни. Я — нож. Не знаю, откуда во мне взялась эта решимость. Наверное, от страха. Или от понимания, что если не мы, то выживут и размножатся они. Тени отступили только под утро. Мы были не готовы и от этого напуганы и ранены. У Влада на плече остался глубокий порез от когтей. Кровь не останавливалась. Странная, голубая, густая. Я испугалась, думала, что это заражение. Но он сказал, что пройдет, нужно лишь промыть рану святой водой из алтаря, все заживет. С тех пор мы всегда держим оружие наготове».

Я переворачиваю страницу. Дальше идут записи, датированные разными годами.

«Второй год. Теней стало больше. Влад говорит, это из-за того, что мир людей страдает от заболеваний, человеческой жестокости, мировых войн. Чем больше негатива там,

тем чаще они приходят сюда. И одно успокаивает мое сердце, что у нас нет детей. Наверное, так и должно быть у таких, как мы».

«Пятый год. Мы научились их чувствовать. Запах — как горелая сера и сырость. За час до появления начинается головная боль. Влад говорит, у него затылок немеет. У меня начинается зуд во всем теле. Странно, но мы уже привыкли».

«Десятый год. Сегодня я убила тень своим ножом. Вогнала прямо в сердце — туда, где у людей сердце. Она рассыпалась пеплом. Голубым, холодным. Влад поцеловал меня и сказал, что я героиня. А я думаю — героиня ли? Или просто зверь, который научился защищать свою нору?»

«Двадцатый год. Мы перестали считать тени. Они приходят, мы их встречаем. Иногда вдвоем, иногда поодиночке. Лук Влада сбивает их с дальней дистанции. Я подбираю тех, кто прорывается ближе. Мы стали командой. Настоящей командой. И я поняла одну важную вещь: любовь — это не только нежность. Любовь — это когда ты готова стоять рядом и убивать, если нужно защитить того, кто дорог».

Я закрываю дневник на середине, понимая, что с меня хватит. Это слишком страшно. И жутко от того, что именно эта участь уготована нам.

— Они жили здесь восемьдесят лет, — тихо произношу я. — И все эти годы они сражались с тенями. И ни разу не сдались.

— И мы не сдадимся, — отвечает Влад.

Басилий, словно почувствовав наше настроение, поддвигается ближе и тыкается носом в мою руку. Я глажу его, глядя на лук и стрелы, которые мы принесли из сарая и прислонили к стене.

— Нам нужно учиться, — произношу решительно. — Учиться стрелять. Владеть ножом. Чувствовать их приближение. И искать... Меня не покидает смутное чувство, что есть способ все это прекратить. Разорвать этот круг и спасти мир раз и навсегда. Ведь когда-то все это началось, значит, должно и закончиться.

— У нас есть время. Мало, но есть, — Влад обнимает меня и целует в висок.

Я киваю, плотнее прижимаясь к нему. За окном сгущаются сумерки, и где-то далеко, на опушке леса, мне чудится тень. Или показалось.

Но рука сама тянется к ножу, который мы положили на тумбочку.

На всякий случай.

ГЛАВА 4. Кровь и память

Дневник Марии мы перечитывали еще дважды.

Первый раз — просто молча, передавая друг другу пожелтевшие страницы и ловя взглядом одни и те же строчки: «голубая кровь», «святая вода из алтаря», «они приходят, когда мир болеет». Второй раз — вслух, по очереди, словно пытаюсь впитать каждое слово глубже, чем позволяют глаза.

Басилий дремлет в ногах, изредка подергивая ухом, когда я слишком громко переворачиваю страницу. За окном давно стемнело, и комната освещается только мягким светом керо-синовой лампы. Влад сидит напротив, поджав под себя ноги, и его лицо в этом теплом полумраке кажется воинственным, точно высеченным из камня — красивым и непроницаемым.

— Ты молчишь, — замечаю я, отложив дневник. — О чем думаешь?

Он поднимает на меня глаза. В них плещется что-то темное, древнее, чего я раньше не замечала.

— О том, что Мария права, — тихо произносит он. — И о том, что я тебе еще не все рассказал.

Я ощущаю внутри зарождающийся холодок. Басилий, словно уловив витающее в воздухе напряжение, поднимает голову, смотрит на нас и снова утыкается носом в хвост.

— Что именно?

Влад какое-то время молчит, собираясь с мыслями. Потом встает, подходит к окну, долго смотрит в темноту. Когда заговаривает, голос его звучит глухо, словно издалека.

— Мой род... Козловские... Мы всегда знали, кто мы. С рождения. Мне не нужно было искать правду в старых письмах или разгадывать бабушкины тайны, как тебе. Мне ее вложили в кровь.

— Вложили?

— Передали. Как эстафету. — Он поворачивается ко мне, и в свете лампы я вижу, как напряжены его плечи. — Когда мне исполнилось тринадцать, отец отвел меня в подвал нашего дома. Там, за старым шкафом, была дверь, которую я раньше не замечал. За ней — комната без окон, с одной свечой и огромным зеркалом в тяжелой раме.

Я замираю, чувствуя, как мурашки бегут по спине и накрывают воспоминания о тайнике в моем собственном доме, где я нашла черную свечу с пророчеством.

— Он велел мне смотреть в зеркало и не отводить взгляд, что бы я ни увидел. Сначала там было только мое отражение — обычный мальчишка, взлохмаченный, перепуганный. А потом...

Влад умолкает и шумно сглатывает.

— Потом лицо начало меняться. Глаза стали темнеть, из уголков рта полезли клыки. Кожа пошла трещинами, и из них повалил пар — холодный, обжигающий. Я закричал, попытался отвернуться, но отец схватил меня за плечи и удержал. "Смотри, — сказал он. — Смотри и запоминай. Это твоя суть. Это то, что ты должен принять".

Я встаю, подхожу к нему и обнимаю, прижимаясь всем телом. Его ладони на моей спине и плечах сейчас, после ритуала, всегда теплые. Но я до сих пор ощущаю под этой теплотой что-то древнее, уставшее, много пережившее.

— И ты принял?

— Пришлось. — Он криво усмехается. — Знаешь, каково это — в тринадцать лет узнать, что ты не просто человек? Что внутри тебя живет чудовище, которое будет расти, копить в себе всю боль мира, а потом... потом придет день, и ты либо соришь, либо уйдешь туда, откуда не возвращаются?

Я сжимаю его в объятьях крепче.

— Ты не чудовище.

— Я знаю. Теперь знаю. — Он смотрит на меня с благодарностью. — Потому что есть ты. Потому что хранительница приходит не просто так. Мы — две половины одного целого. Без тебя я был бы только монстром, который таит в себе тьму. С тобой я стал... собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.